

Дети войны

Цикл рассказов

Новогодние пироги с морковью

*Екатерина Васильевна
Модина*

Жительница села Рождествено Екатерина Васильевна Модина родилась 30 ноября 1935 года. Отец ее – Василий Александрович Володин, 12906 года рождения – умер от ран в феврале 1942 года. Мать в это время была беременна и 2 апреля того же года родила дочку Марию. За несколько месяцев до этого семье Володиных пришлось пережить несколько дней фашистской оккупации.

В последних числах ноября 1941 года в дом постучались пятеро немецких разведчиков, расспросили о чем-то деда и ушли. А через два дня в село вошли основные немецкие части. В доме Володиных они организовали штаб, а в соседнем доме – госпиталь. Личный состав распределили по домам, выгнав оттуда местных жителей. Еще осенью дед Екатерины – Александр Кузьмич – сообразил выкопать во дворе дома землянку, в которой семье и удалось выжить. На восточной окраине участка немцы устроили окоп, стащили туда теплые вещи и вели непрерывное дежурство, так как из деревни Зеленково могли наступить наши войска. «А незадолго до оккупации, - вспомнила Екатерина Васильевна, - в небе над селом был сбит наш самолет. Раненого летчика дед и тетка подобрали, на санях под хворостом привезли в наш дом и спрятали в подполье. Летчика удалось спасти».

До оккупации в хозяйстве Володиных была корова, 50 кур, теленок, два поросенка. Александр Кузьмич по приказу немцев резал им кур, а его жена – Евдокия Андреевна – варила из остатков бульон для семьи. Дед же порой приносил в землянку молоко. Через несколько дней началось наступление наших войск по всему фронту, и в ночь с 8 на 9 декабря фашисты бежали из Рождествена. Уходя, они подожгли дом, в котором размещался немецкий госпиталь со всеми находившимися в нем ранеными.

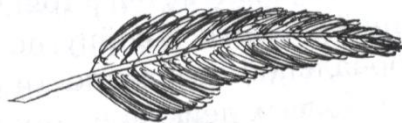
Новогодние пироги с морковью

Чтобы засеять колхозные поля, весной 1942 года хоронили трупы убитых зимой красноармейцев: в белых полушубках, в ушанках, в валенках. Мать Екатерина лично закрывала лица погибших советских солдат тряпками и полотенцами. Снимать одежду с наших бойцов запретили, а вот с немцев снимали обувь: не в чем было ходить. С едой тоже было непросто: старожилы помнят, как зимой пекли «ковыркушки» – лепешки из мороженной картошки.

Уже в послевоенные годы, когда мать Екатерины болела, девушке приходилось заменять ее на работе в колхозе. От голода даже пухли ноги. Тогда бригадир лично посоветовал Екатерине сшить мешочек из ткани внутри штанов и потихоньку воровать из колхоза зерно. Из этого зерна, добавляя лебеду, варили похлебку. Валенки в семье Володиных были одни на всю семью, дети в школу ходили по очереди. Сами себе из старых обоев делали тетради, из найденных остатков ткани шили сумки. В школе один учебник давали на десять человек. Екатерина Васильевна вспоминала, как однажды праздновали в школе новый год: «Это было в 4 классе. В школу привези настоящую елку, а снежинки мы сами делали из марли. В подарок нам родители испекли из полученной в колхозе ржаной муки новогодние пироги с морковью.

Сергей Юрьевич Мамаев

Руководитель музея «Усадьба Рождествено»

Дети войны – деды мира

*Вениамин Андреевич
Бармин*

Суровые, тяжкие времена Великой Отечественной войны до сих пор не стираются в народной памяти. Из уст в уста передаются в семьях воспоминания о погибших на фронте родственниках, близких дорогих людях. Их имена стали символом невыносимых испытаний, выпавших на долю наших соотечественников.

Нашу семью в Павловской Слободе частенько навещают родственники с Урала, Сибири, Поволжья. Вот только из Пензы мой папа, Вениамин Андреевич Бармин, давно у нас уже не бывал. На девятом десятке лет жизни настигла его инвалидность. Врачи определили I группу: колясочник он теперь. Родом отец с Алтая, коренной сибиряк. Начало войны он встретил погонщиком табунов лошадей: под приглядом двух стариков гонял с мальчишками табуны из Монголии в Бийск, где их загружали в эшелоны и отправляли на фронт. Именовалось это «Подарком Чойбалсана» – легендарного правителя монголов в те времена. Стараюсь всегда с подробностями запомнить его рассказы о том времени. Один из них «Трое в одном тулупе», текст воспроизведен с сохранением отцовской лексики того времени.

... Зимний день 1942 года . На дворе лютый мороз , градусов под сорок. В нашу деревенскую избу, даже когда входная дверь в нее открывается из теплых сеней, все равно врываются такие густые клубы пара, что не сразу разглядишь, кто вошел. Но Алексея Николаевича Генерозова грешно не узнать – очень уж колоритная фигура. Легко, на вытянутых руках, занес он в избу большой узел и опустил его посреди комнаты. «Ну вот мы и дома», - сказал тихо, с глубоким вздохом и торопливо развязал свою ношу.

Дети войны – деды мира

Шоковое потрясение испытали все, когда на их глазах был развязан узел в упаковке из овчинного тулупа: оттуда, один за другим, повыскакивали трое полуголых, ревущих ребятишек. Первой к ним метнулась Валя, хозяйка дома, жена Алексея Николаевича, моя родная тетя. Надо было видеть, какой переполох охватил и всех остальных домочадцев. Откуда-то вдруг стала даже известна фамилия детей – Кутузовы. В тот момент действительно нельзя было не проникнуться глубоким человеческим состраданием: спасти этих несчастных детей.

По скороговорным фразам Алексея Николаевича постепенно прояснились обстоятельства его появления в доме с тремя детьми, увязанными в тулупе с его плеч. Возвращался домой из райцентра знакомой столбовой дорогой. Вез зарплату учителям – так это было заведено в школе и входило в обязанность директора. В одном из сел преградили путь женщины, цепочкой выстроившиеся поперек дороги. Донеслись возбужденные их голоса, показались разгневанные лица. Ясно стало, что дальше ехать уже не придется. Наперебой, все разом, говорили они встретившемуся им проезжему мужчине: «В этом доме умерла мать троих детей, вчера ее похоронили. Отец на фронте погиб: похоронку давно уже принесли. До этого мы разбирали осиротевших детей по домам. Теперь уже стало совсем невмоготу. Ты, видать, какой-то начальник, конь у тебя, в кошовке едешь, справный тулуп на тебе. Так вот, милый человек, хочешь – не хочешь, можешь – не можешь, а сирот этих забирай и вези куда знаешь. . . Если уж у тебя совсем нет ни стыда, ни совести – выбрось их в сугроб за околицей, только чтоб не на наших глазах, чтоб мы никогда об этом ничего не знали и не ведали».

Дети войны – деды мира

Именно Кутузовы «трое в одном тулупе», доставленные Алексеем Николаевичем в свою семью, стали затем первыми поселенцами в детском доме, созданию которого положила начало семья Генерозовых. В этой семье жил и мой отец. У него умерла мама незадолго до начала войны и старшая его сестра Валя, тоже работавшая учительницей, заменила ее будущему «деду мира». Алексей Николаевич Генерозов для подобранных по дороге детей не стал искать детдом, а привез домой. Кто знает может здесь и прошло бы все их детство, но тогда была война. Как только разнеслась в округе молва о том, что в селе Енисейское Марушинского (ныне Бийского) района Алтайского края можно приютить осиротевших детей – дня не проходило, чтобы к Генерозовым не привозили сирот. Потому и начали здесь спешно, всем миром, создавать детский дом, который приютил сотни «детей войны».

В селе Енисейское не так давно открыли музей, окрестив его «Живая память». В его экспозиции свое достойное место занял детдом с развернутым показом его трудного зарождения и практики многолетнего воспитания сирот. Руководитель музея, Антонина Васильевна Гусева, сообщила: «К концу 1942 года в детдом, обосновавшийся в классных комнатах школы колхозной молодежи, свезено было уже 75 детей-сирот. Привозили отовсюду – грязных, вшивых, голодных. И в детском доме тогда еще не было условий, даже самых элементарных: спали на полу, на соломенных подстилках. Позже, правда, уже сами дети и воспитатели начали сооружать нары, топчаны – нужда заставила».

Первым директором детского дома стал Алексей Николаевич Генерозов – педагог-профессионал с высшим образованием, он сумел преодолеть все трудности и препятствия, с нуля создал в разгар войны приют для осиротевших детей.

Дети войны – деды мира

Алексей Николаевич трижды, не по повесткам, а по собственной инициативе проходил медицинские комиссии с целью получить направление на фронт. Но каждый раз его браковали: 5 % зрения у него осталось к тому времени – остальное забрали болезни глаз. Это побуждало его самым активным образом действовать на трудовом фронте – спасти подрастающее поколение. Таких людей величали тогда «Патриотами Родины».

Сразу после окончания войны, «дед мира», Вениамин Андреевич Бармин, получив в Енисейской средней школе «аттестат зрелости», он продолжил учебу на факультете журналистики Уральского госуниверситета в Свердловске. С высшим образованием по распределению был направлен на работу в средствах массовой информации города Пенза. Сорок восемь лет непрерывного трудового стажа.

Вениамин Андреевич Бармин – один из основоположников пензенского телевидения. Такое резюме в «Пензенской персоналии» сделано по истечении четверти века его работы в должности председателя областного Комитета по телевидению и радиовещанию. Это был период становления и расцвета телевидения в Пензе: снимались документальные и игровые фильмы, ставились телеспектакли, выходило множество авторских программ. Все эти годы отец не оставляли творчество – писал сценарии документальных фильмов, готовил цикловые авторские программы. А до этого 15 лет было отдано журналистской работе в областных газетах «Пензенская правда» и «Молодой ленинец». В этих редакциях он практически овладел всеми жанрами газетной журналистики, искусством формирования публицистической направленности и типографского оформления газетных полос. Вениамин Андреевич награжден орденом Трудового Красного Знамени, Почетным знаком Губернатора Пензенской области «Во славу земли Пензенской области», он же «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Мы дважды попадали в оккупацию

Мой отец был беженцем, вместе с семьей проживал в Турции в местности, где размещались армяне. В 1915 году он стал свидетелем геноцида армянского народа. Сначала бежал в Грецию, оттуда - в Румынию, затем - в Болгарию, а потом попал в Ростов-на-Дону, где и нашел свою «царицу» Тамару. Они с моей мамой работали на кожевенном заводе, у папы была бронь от службы в армии. В 1929 году родилась я, на момент начала войны мне было 12 лет.

На папин завод 19 июня 1941 года из Германии прибыл состав с немецким оборудованием. Отец ушел заниматься его приемкой, с тех пор мы его долго не видели. Лишь через месяц после окончания оккупации папа вернулся, но от него мы так ничего и не узнали, где он был и чем занимался. Только во время его отсутствия два раза ночью приходил какой-то дядечка, приносил нам по полмешка горелой пшеницы. В то время существование в городе было особенно тяжелым, полуголодным.

Наши войска и жители покидали город в тяжелейших условиях - переправлялись через Дон по понтонным мостам под непрерывной бомбежкой, многие тогда погибли. Доим наш находился недалеко от реки, мне запомнилась страшная картина: поднимаем головы, а из фашистских самолетов, словно макароны, со свистом сыпались бомбы. Рядом находился знаменитый завод «Ростсельмаш», его часто бомбили. Во дворе у нас располагалось общежитие мединститута. Перед эвакуацией в его подвале устроили бомбоубежище, где местные жители и спасались. Во время бомбежек вокруг летали осколки, вышибало окна и двери, было безумно страшно.

Мы дважды попадали в оккупацию. Первый раз в 1941 и второй в - 1942 году. Наши войска ушли. Госпиталь, куда я ходила помогать раненым и мыть посуду, эвакуировали.

*Василий Васильевич и Зинаида Ильинична
Созанские с дочерью*

Мы дважды попадали в оккупацию

В госпитале во время оккупации разместили раненых немцев. Первая оккупация продлилась не долго – немцев вышибли из города, они ушли в сторону Сталинграда, и в город вошли наши войска. Второй раз фашисты заняли Ростов осенью 1942 года, когда их разбили в Сталинграде.

Больше запомнился второй приход немцев – это были эсэсовские войска, которые оставались в городе около полугода. В нашем дворе их поместили в общежитии. Со всех окрестных деревень фашисты собирали птицу, грабя колхозников, прямо на веранде общежития ее ощипывали и готовили себе еду. В это время мы находились дома, хотя школы, надо сказать, работали. Зверства немцев в отношении гражданского населения – страшная правда войны. Когда погибал немецкий солдат или офицер, мирных жителей всегда расстреливали: были и совсем ужасные казни: людей запирали в сараях и поджигали.

Однажды разыгралась сцена, чуть не закончившаяся трагически. Один из проживших в общежитии фашистских офицеров с какой-то одеждой в руках буквально набросился на маму и долго что-то кричал по-немецки, тыча в нее этими тряпками. Потом мы узнали, что это была случайно оставшаяся форменная одежда эвакуировавшегося политрука, который ранее проживал в общежитии. На наше счастье мимо проходила жена профессора мединститута – внучка знаменитого русского поэта Алексея Николаевича Плещеева, которая получила образование в Германии и в совершенстве владела немецким. Она спокойно объяснила офицеру, чья это одежда, и что к моей маме она не имеет никакого отношения.

В феврале 1943 года пришли войска. Мы в первый раз увидели на бойцах овчинные полушубки с белыми погонами. И вот тогда мы снова пошли в школу. Затем закончилась война, началась почти прежняя мирная жизнь. Родители вернулись на завод. Окончив школу, я поступила на геолого-почвенный факультет Ростовского университета, а по распределению была направлена в Павлодар в Северном Казахстане, где и встретила будущего мужа. Мы вырастили дочь, двоих внуков, ждем правнуков.

Зинаида Ильинична Созанская, жительница с. Павловская Слобода

«Появилась мечта - стать военным!»

Василий Васильевич Созанский родился на территории Западной Украины в Львовской области, которая тогда входила в состав Польши. Польские власти по-разному относились к жителям, в зависимости от их национальности. Рядом были села с польским и украинским населением, украинцев заметно притесняли. В 1939 году в Западную Украину вошли советские войска. В то время Василий Созанский учился в первом классе, говорил только по-украински, на котором и преподавали в школе. И после прихода советских войск фактически учебу пришлось начинать заново с подготовительного класса – русскому ведь не учили и на нем не говорили.

Для населения, особенно бедного, мало что изменилось, люди побогаче были недовольны, так как предстояло объединяться в колхозы. С началом войны девятилетнего мальчишку поражало обилие проходившей через село ранее не виданной им техники – танковые колонны, артиллерийские орудия. Тогда у мальчика появилась мечта – стать военным!

Вскоре фронт достиг и его родного села. Три года оккупации запомнились, прежде всего, страшным голодом. Поскольку жила семья в сельской местности, от бомбежек не страдали. Жили подножным кормом, впроголодь, родители, конечно, очень жалели детей, и, прикладывая порой немыслимые усилия, все же что то доставали на пропитание. С окончанием войны обучение в школе продолжалось уже и на русском. После школы Василий Созанский поступил в Харьковское авиационное училище связи, завершив учебу в 1953 году, служил в северном Казахстане в Павлодарском авиационном полку, прошел буквально по всем служебным ступенькам, став комсоргом полка.

В 1953 году стал обучаться в Пензенском Высшем артиллерийском училище ракетных войск. Окончил его в 1968 году и был направлен в Одесский военный округ в город Вознесенск на артиллерийскую базу сначала техотдела службы технического вооружения, затем в течение пяти лет трудился главным инженером, начальником базы. Дальнейшая служба проходила в Германии в составе западной группы войск начальником отдела службы технического вооружения. В 1978 году Созанского направили в войсковую часть № 67714 в село Павловская Слобода, где он прослужил в течение 10 лет командиром базы вплоть до своей отставки в 1988 г. Василий Васильевич 38 лет жизни отдал служению в Красной Армии.

«Это была страшная война»

Моя прабабушка, Татьяна Николаевна Хольникова, родилась в 1926 году. Война застала ее в 15-летнем возрасте в деревне Дворяниново Ступинского района Московской области. «Это была страшная война, - вспоминала прабабушка, - но наши бойцы сражались до последнего. Юную Татьяну вместе с другими жителями деревни осенью 1941 года отправляли рыть окопы и землянки для наших солдат. Каждый день она с подругами выкапывала по несколько десятков метров окопов. Было очень тяжело и страшно, ежедневно прабабушка опасалась, что в любой момент может подорваться на mine или стать фашистской мишенью.

В 1942 году ее отправили в Рязанскую область на торфоразработки, для нахождения и применения в различных целях. Три года ей пришлось там проработать. «Однажды, - рассказывала прабабушка, - нас с подружкой отправляли на очередное задание, но нам удалось сбежать. И вот, выбравшись на дорогу, мы отправились домой, что было крайне опасным, потому как нас могли обнаружить или в плен взять, если это будут фашисты или отправлять обратно на работу, если попадутся навстречу наши. Что с нами и случилось».

Шла Татьяна с подружкой по дороге, вдруг остановилась грузовая машина, русский офицер спросил их: «Откуда вы идете?» А девушки вместо того, чтобы сказать правду, соврали, решив, что так будет лучше. Ответили, что идут с зоны, навещали своих родных. Но один из красноармейцев узнал девушек и сообщил командиру, что видел их на торфоразработках. И Татьяну с подружкой, погрузив в машину, отправили обратно на завод, где ей пришлось проработать до самого конца войны. Лишь летом 1945 года она вернулась в родные края. Вот так моя прабабушка провела свое отрочество в годы войны...

Алиса Гуренкова,

ученица 9 класса Рождественской СОШ

«Меня в чемодане несли в землянку»

Я родилась в Павловской Слободе в январе 1941 года. Жили в старом доме, неогороженном, только следили, чтобы скотина не забредала. Папа работал на базе, у него была бронь от призыва, а затем он вместе с базой эвакуировался в Кировскую область. К осени оставшиеся в селе жители вырыли землянки, уже были слышны обстрелы, порой в село заходили немецкие разведчики в районе больничного леса. Во время налета вражеской авиации брали большой чемодан, клали подушку, и меня в чемодане несли в землянку. Пока отец находился в эвакуации, мама ходила копать окопы, а старшая сестра в это время оставалась со мной. Однажды на огороде у себя обнаружили убитую лошадь, по ночам ходили и отпиливали замерзшее мясо, им и питались некоторое время. В 1943 году вернулся отец, вскоре его отправили на фронт. Ушел летом, а уже в ноябре пришло извещение – пропал без вести.

Когда мне исполнилось шесть лет, мама работала няней в яслях, а меня устроила в садик на улице Луначарского. В 1949 году я пошла в школу. Жили плохо, все время хотелось есть. Хорошо хоть в хозяйстве была коза, небольшой огород и картофельное поле – это и спасало. Еще ходили собирать траву съедобную и дикую клубнику на кладбище. В лес в деревню Славково ездили за грибами – председатель сельпо порой подвозил на машине. Потом старшая сестра устроилась на работу в артель «Славкожиздеоия», а все хозяйство осталось на мне. В 7-8 классе я подрабатывала в колхозе – ухаживала за цыплятами.

Игрушек у меня в детстве не было, но к празднику Первомай мама всегда покупала небольшой отрез и что-то из него шила мне: кофточку, юбочку или платьице. А игрушки делали из того, что находили на улице, сами придумывали несложные игры. Дети из Павловской Слободы учились во вторую смену, из деревень - в первую, так как им было дальше ходить в школу. Один раз в 16 лет была вожатой в местном пионерском лагере. Дети тогда были менее хулиганистыми, родители больше следили за ними

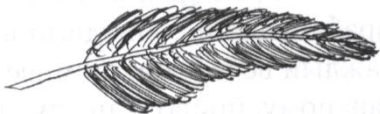
*Валентина Александровна
Занозина*

«Меня в чемодане несли в землянку»

По окончании 10 класса мы с подружкой поехали в Москву поступать в техникум при мясокомбинате имени Микояна. Сдали документы, поступили, но когда пришли в цех, увидели неприглядную картину, в каких условиях производят колбасы и другие мясопродукты – пропало всякое желание связываться с мясной промышленностью. Время было упущено, поступать дальше было некуда, устроились работать в сельпо. Направили буфетчицей в восьмилетнюю школу на улице Октябрьская. Так и началась моя карьера. Затем трудилась продавцом в нескольких магазинах в Павловской Слободе. В январе 1963 года вместе с подругой пошла служить по найму в войсковую часть № 67714, сначала писарем, затем в отделе кадров. Познакомилась там с будущим мужем. Дорогой войсковой части отдала 50 лет, закончила работать в 2013 году.

Валентина Александровна Занозина
жительница села Павловская Слобода

Воспоминания записал
Александр Николаевич Гольцев

Мы – дети войны

Пускай в атаку не ходили,
Не брали штурмом высоту.
С бойцами вместе пережили
Атаки эти и войну.

И пусть из пушек не стреляли
По самолетам и врагу,
Мы вместе с вами погибали
У тех высот. И на бегу. . .

Пускай на запад не шагали,
Не время было, не могли. . .
Но мы вам выжить помогали,
Мы – дети страшной той войны.

Не довелось знамена вешать
Тогда в Берлине, На Рейхстаг.
Нам имена увековечить
Велела Родина в веках

*С Уважением,
Архивный отдел управления делами администрации г. о. Истра
(с использованием материалов Сергея Юрьевича Мамаева)*